

Солипсизм vs Постсолипсизм:

Месть в моральном восстановлении субъектности

Сергей Бондаренко
Врашавский университет (Польша)

Resentiment

Интересно, но первое, что приходит на ум при чтении Введения к статье Элис МакЛахан «Nath No Fury: The Place of Revenge in Moral Repair» (2023)¹, а именно истории дискредитации движения #MeToo, так это понятие ресентимента у Ницше. Отсылка к Ницше и ресентименту настолько очевидна, что просто удивительно, почему МакЛахан не рассмотрела понятие мести и его моральной оценки с этой стороны?

Критики движения #MeToo в духе «охота на ведьм» (Livsey, 2018), «самосуд» (Hall, 2018), «вигиантизм» (Levick, 2019), «власть толпы» (Sharf, 2018), характеризуя его как «мечь» (Branco, 2018), апеллируют именно к Ницше и его понятию ресентимента — сознанию рабов. Через эту непрямую отсылку к ресентименту критики #MeToo утверждают, как минимум, три ключевых концептуальных положения:

- 1) свое главенствующее положение относительно жертв насилия;
- 2) рабское слабое положение жертв насилия;
- 3) неправомерность требования справедливости.

В связи с этим, возможно, стоит отдельно остановиться на понятии ресентимента и его отличии от понятия мести.

В моем понимании того, как Ницше определяет ресентимент, речь идет не о мести сильного, а о мстительности слабого, о стремлении слабого к абсолютизации своей воли и власти, не имея на то возможности в непосредственных отношениях «субъект — субъект». Поэтому слабый раб изменяет мораль так, чтобы делать силу безнравственной.

Мечь же — это восстановление справедливости и баланса ущерба. Например, в «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов» (Menschliches, Allzumenschliches: Ein Buch für freie Geister) Ницше говорил, что справедливость есть, следовательно, воздаяние и обмен при

1 <https://boundary.pl/pl/serge-boundary/world/library/2/en>

условии приблизительного равенства сил, и что первоначально месть принадлежит к области справедливости, что она есть обмен.

Из указанного вытекает обратная ситуация, а именно, что критики #MeToo именно из-за собственной слабости перед законом впадают в ресентимент и создают новую мораль и моральное осуждение, чтобы обессилить восставшую (для мести) жертву, равную агрессору по силе, благодаря закону. Это потому ресентимент, поскольку критики, так или иначе причастные к преступлению, слабы перед законом, а жертвы сильны именно по закону, но они (критики) моральным осуждением пытаются объявить сильного — злом, а слабого — добром. Мечь слабого (ресентимент) — не действие, а переоценка действительности в пользу слабого. Восставшие жертвы насилия, наоборот, именно действуют. Мечь сильного — не реакция, а акт самоподтверждения, восстановление нарушенного равновесия.

Онтологическая модель мести

Уже во второй части статьи «The Case against Revenge» вырисовывается онтологическая модель мести, суть которой в выравнивании неравных отношений «субъект-агрессор — объект-жертва» и возвращении к равным отношениям «субъект — субъект».

Речь о том, что до акта насилия между равными субъектами отношений есть определенное минимальное соглашение о их взаимной субъектности. Говоря языком онтологии, это межсубъектное совместное бытие, которое обоими субъектами может развивать в любом направлении и масштабе, как общая среда из личной самореализации. Например, как знакомый, приятель, семья, коллектив, нация, но между двумя данными субъектами. Таким образом, общая онтологическая конструкция выглядит как «субъект — совместное бытие — субъект».

Когда субъект-агрессор совершает над субъектом-жертвой насилие, он отказывается от соглашения о взаимной субъектности и от равенства сторон отношения. Факт совершения насилия превращает открытую интерсубъектную онтологическую конструкцию в конструкцию солипсическую: «субъект-агрессор — объект-жертва». И неравенство формируется на том основании, что объект по определению пассивен по отношению субъекта. Плевков в кружку с кофе и покорное принятие плевок именно об этом.

Модель же мести состоит в том, чтобы вернуть прежнюю интерсубъектную конструкцию, а именно — восстановить субъектность жертвы относительно агрессора. Поэтому для её восстановления формируется новая конфронтационная полисолипсическая конструкция «субъект-агрессор — объект-жертва || объект-преступник — субъект-мститель», где реализуется ответная агрессия мщения и мститель = агрессор, а преступник = жертва.

В этой конструкции жертва отказывает агрессору в уважении к его личности и к его человеческому достоинству. Но в отличие от Govier, Uniacke и других философов жертва делает это не для причинения боли и страданий агрессору, а для возврата жертве субъектности в отношениях с агрессором.

Именно об этом писал Фихте в «Назначение человека», когда в «Третьей книге: Вера» приводил пример возникновения веры во внешний чувственный мир из понятия морального мира: «Nawet dla tego, kto by sobie nigdy o swym własnym powołaniu moralnym nie pomyślał ... Jeżeli on nie ujmuje tego świata myślą o swych obowiązkach, to czyni to z pewnością przez domaganie się swoich praw. Czego nigdy może nie żąda od siebie, tego wymaga przynajmniej względem siebie od innych - chce żeby traktowali go z uwagą i rozważą, i celowością nie jako rzecz bezrozumną, lecz jako wolną i samodzielną istotę. W ten sposób, chcąc, aby oni tylko mogli spełnić to żądanie, jest zmuszony wyobrażać ich sobie jako rozważne, wolne, samodzielne i niezależne od samej tylko potęgi przyrody istoty» (Fichte J. G., Powołanie człowieka, przeł. Adam Zieleńczyk, wyd. ANTYK, Kęty 2022, s. 79).

В этом отрывке Фихте показал, что именно ответный отказ в уважении к личности и человеческому достоинству агрессора возвращает жертве уважение к её личности и человеческому достоинству со стороны агрессора. Правоту Фихте иллюстрирует мольба Джеффа о пощаде в фильме *Hard Candy* и мольба о пощаде Эла в фильме *Promising Young Woman*.

Далее в статье мы читаем, что Robert Stainton утверждает:

«The ideal cases are those in which B sees the connection between harm HA which she did, and harm HB which is now done to her. And that is likely to require B to realise that it was A who brought about HB» (2006, 17).

И Элис МасЛакхен с ним согласна:

«This is quite plausible. If B never realises that they have not just suffered some unfortunate accident of fate but have, in fact, been brought low by A, because of B's past actions, then there is some sense in which A's vengeful feelings will not be satisfied by the act».

Я думаю, что они также оба ошибаются, рассматривая мотивом мести проявление неуважения к человеческому достоинству агрессора и отношение к нему не как к личности, а как к объекту. Поскольку с точки зрения представленной выше онтологической модели мести, жертва (А) не будет удовлетворена тем, что агрессор (В) никогда не осознаёт, что он был наказан его жертвой (или во имя его жертвы, например, Донна и Нины), именно потому, что такое «объективное» наказание (НВ) агрессора не восстанавливает разрушенное сравнение в отношениях «субъект-агрессор — субъект-жертва», и не возвращает объекту-жертве (А) уважение к её личности и человеческому достоинству со стороны субъекта-агрессора (В).

Это хорошо иллюстрирует пример с Кэсси, которая принимает раскаяние адвоката Джордана Грина именно потому, что он в своем раскаянии признает субъектность за жертвой его насилия. Поэтому для Кэсси баланс отношений агрессора Джордана и жертвы Нины восстановлен и солипсический мир Джордана снова стал не-солипсическим.

Далее МакЛахлан приводит идею French, что добродетельный акт мести должен соответствовать определенным условиям. На мой взгляд, восстановление субъектности жертвы не требует от мстителя обладания авторитетом в смысле обладания моральными добродетелями и надежной процедурой определения цели, меры и способа наказания.

Во-первых, потому что необходимость обладания моральными добродетелями для защиты и восстановления субъектности жертвы абсурдно. Сама мысль о том, что свидетели преступления никогда не вступятся за жертву перед агрессором по причине отсутствия у них моральных добродетелей абсурдна.

Во-вторых, не требуется особой процедуры для определения того, кто отказывает жертве в её субъектности. Тот, кто отказывает жертве в субъектности, виновен по определению. Должна ли быть указанная процедура надежной, как утверждает Peter French, или иметь пределы своей достоверности? Вопрос дискуссионный и ответ не очевидный.

Мне кажется, что если предполагаемый агрессор утверждает, что он не виновен, то вместе с абсолютным утверждением о своей невинности он также отрицает субъектность жертвы. Очевидно, что абсолютно он может быть невиновен только в своем солипсическом мире, и в таком мире любой другой субъект для него лишен субъектности. Когда же предполагаемый агрессор принимает факт предположения его вины, по мнению мстителя, в отношении жертвы и готов понести наказание в рамках этой гипотезы, признавая тем самым субъектность жертвы, то месть (угроза мести) достигает своей цели и теряет свое основание, о чем сказано ниже.

Об этом пишет и сама Элис МакЛахан, задавая вопрос: «изменила бы Хейли свой план, если бы Джефф проявил настоящее раскаяние (включая готовность сдаться властям)?» Скорее всего и Кэсси остановилась бы, если бы Эл раскаялся и признал свою вину, вместо того, чтобы просить о пощаде и оставить всё как есть. Но он этого не сделал, в нем, как в Джеффе не было раскаяния.

В-третьих, определение меры и способа наказания не зависит от степени вины и способа совершения преступления, поскольку цель мести не в восстановлении баланса действий, а в восстановлении субъектности жертвы в отношениях «агрессор — жертва». Поэтому наказание может быть чрезмерным и немыслимым или слабым и символическим, пока агрессор не признает субъектность жертвы, то есть пока агрессор не раскается в содеянном. Но если

его раскаяние окажется имитацией и ложью ради своего выживания или избегания более серьезного наказания, то месть должна повториться в более жесткой форме, пока раскаяние не будет искренним. Эта традиция повторного наказания отражена в административном и криминальном праве в понятиях «повторное правонарушение» и «рецидив».

Из указанного следует, что месть перестает быть добродетельной, когда она совершается или продолжает совершаться в отношении раскаявшегося агрессора. Потому что целью восстановительной мести является не страдание агрессора и его наказание само по себе, а восстановление субъектности жертвы. Если же мститель игнорирует факт раскаяния и признания субъектности жертвы, то он сам становится агрессором, который заслуживает наказания.

Впрочем, последний вывод мне кажется не достаточно обоснованным.